

Емельян Пиляй — эпизод 1 из 5

Ничего больше не остается делать, как идти на соль! Солона эта проклятушая работа, а все ж таки надо взяться, потому что этак-то, не ровен час, и с голоду подохнешь.

Проговорив это, мой товарищ Емельян Пиляй в десятый раз вынул из кармана кисет и, убедившись, что он так же пуст, как был пуст и вчера, вздохнул, сплюнул и, повернувшись на спину, посвистывая, стал смотреть на безоблачное, дышавшее зноем небо. Мы с ним, голодные, лежали на песчаной косе верстах в трех от Одессы, откуда ушли, не найдя работы. Емельян протянулся на песке головой в степь и ногами к морю, и волны, набегая на берег и мягко шумя, мыли его голые и грязные ноги. Жмурясь от солнца, он то потягивался, как кот, то сдвигался ниже к морю, и тогда волна окатывала его чуть не до плеч. Это ему нравилось.

Я взглянул в сторону гавани, где возвышался лес мачт, окутанных клубами тяжелого черно-сизого дыма, оттуда плыл глухой шум якорных цепей, свист локомотивов. Я не усмотрел там ничего, что бы возродило нашу угасшую надежду на заработок, и, вставая на ноги, сказал Емельяну:

Ну что ж, идем на соль!

Так... иди!.. А ты сладишь? вопросительно протянул он, не глядя на меня. Там увидим.

Так, значит, идем? не шевеля ни одним членом, повторил Емельян.

Ну, конечно!

Ага! Что ж, это дело... пойдем! А эта проклятая Одесса пусть ее черти проглотят! останется тут, где она и есть. Портовый город! Чтоб те провалиться сквозь землю!

Ладно, вставай и пойдем; руганью не поможешь.

Куда пойдем? Это на соль-то?... Так. Только вот видишь ли, братику, на соли этой тоже толку не будет, хоть мы и пойдем.

Да ведь ты же говорил, что нужно туда идти.

Это верно, я говорил. Что я говорил, так говорил; уж я от своих слов не откажусь. А только не будет толку, это тоже верно.

Да почему?

Почему? А ты думаешь, что там нас дожидаются, дескать, пожалуйста, господа Емельян да Максим, сделайте милость, ломайте ваши кости, получайте наши гроши!.. Ну нет, так не бывает! Дело стоит вот как: теперь ты и я полные хозяева наших шкур...

Ну ладно, будет! Пойдем!

Погоди! Должны мы пойти к господину заведывающему этою самою солью и сказать ему со всем нашим почтением: Милостивый господин, многоуважаемый грабитель и кровопийца, вот мы пришли предложить вашему живоглотию наши шкуры, не благоугодно ли вам будет содрать их за шестьдесят копеек в сутки! И тогда последует...

Ну вот что, ты вставай и пойдем. До вечера придем к рыбацким заводам, поможем выбрать невод накормят ужином, может быть.

Ужином? Это справедливо. Они накормят; рыбацки народ хороший. Пойдем, пойдем... Но уж толку, братец ты мой, мы с тобой не отыщем, потому незадача нам с тобой всю неделю, да и все тут.

Он встал, весь мокрый, потянулся и засунул руки в карманы штанов, сшитых им из двух мучных мешков, пошарил там и юмористически оглядел пустые руки, вынув их и поднеся к лицу.

Ничего!.. Четвертый день ищу, и все ничего! Дела, братец ты мой!

Мы пошли берегом, изредка перекидываясь друг с другом замечаниями. Ноги вязли в мягком песке, перемешанном с раковинами, мелодично шуршавшими от мягких ударов набегавших волн. Изредка попадались выброшенные волной студенистые медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшие и черные... С моря набегал славный свежий ветерок, опахивал нас прохладой и летел в степь, вздымая маленькие вихри песчаной пыли.

Емельян, всегда веселый, видимо унывал, и я, замечая это, стал пытаться развлечь его.

Ну-ка, Емеля, расскажи что-нибудь!

Рассказал бы я тебе, брат, да говорилка слаба стала, потому брюхо пустует. Брюхо в человеке главное дело, и какого хочешь уроду найди а без брюха не найдешь, дудки! А как брюхо покойно, значит и душа жива; всякое деяние человеческое от брюха происходит...

Он помолчал.

Эх, брат, коли бы теперь тысячу рублей море мне швырнуло бац! Сейчас открыл бы кабац; тебя в приказчики, сам устроил бы под стойкой постель и прямо из бочонка в рот себе трубку провел. Чуть захотелось испить от источника веселия и радости, сейчас я тебе команду: Максим, отверни кран! и буль-буль-буль прямо в горло. Глотай, Емеля! Хо-орошее дело, бес меня удави! А мужика бы этого, черноземного барина ух ты! грабь дери шкуру!..